

© А. В. Журавлева

«ПРАЗДНИКИ ДЛЯ СЕБЯ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ САРДИНИИ

В статье, преимущественно на материалах полевых исследований автора, в рамках анализа современного состояния праздничной культуры Барбаджа — наиболее консервативной и архаичной области Сардинии, в научном дискурсе рассматривается незамеченный ранее исследователями феномен — традиционные праздники и коллективно отмечаемые обряды перехода этого пастушеского региона, именуемые местным населением «праздниками для себя». Речь идет о доживших до наших дней и не утративших обрядового значения для населения торжественных событиях преимущественно архаичного происхождения — реликтах часто дохристианских обрядов и праздников, в ходе целебации которых население скрупулезно, осознанно и бессознательно, следует традиции, исключает инновации, а также не допускает присутствия и участия в праздновании «чужаков». В статье освещаются социокультурные реалии Сардинии, а также характер стоящих за целебацией таких праздников процессов сплочения локального коллектива, консервации и воспроизводства традиционной культуры в условиях современности и ее защиты от инноваций, поддержания культурной преемственности, сохранения аутентичности и укрепления локальной идентичности населения. Статья вносит вклад в развитие европейской фестологии и способствует пониманию механизмов адаптации традиционных обществ к вызовам глобализации, в том числе и посредством сохранения традиционных празднично-ритуальных практик.

Ключевые слова: Сардиния, Барбаджа, праздники, обряды перехода, защита традиционности, идентичность

Ссылка при цитировании: Журавлева А. В. «Праздники для себя» в центральной Сардинии // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 400–411.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/400-411

Original article

© Aleksandra Zhuravleva

CENTRAL SARDINIA FEASTS OR «FEASTS FOR OURSELVES»

The article, based mainly on the materials of the author's field research, analyzes the current state of the festival culture in Barbagia — the most conservative region of Sardinia. It considers a phenomenon previously unnoticed by researchers — the

Журавлева Александра Владимировна — аспирант Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: zhuravleva.alex@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

traditional holidays and collectively celebrated rites of passage of this pastoral region, referred to by the local population as “feasts for themselves” We are talking about solemn events that have survived to this day and have not lost their ritual significance for the population. These events are mainly of archaic origin — relics of often pre-Christian rituals and holidays. During these celebrations the population scrupulously, both consciously and unconsciously, follows tradition, excludes innovations, and does not allow the presence and participation of “outsiders”. The article highlights the conservation and reproduction of traditional culture in modern conditions and its protection from innovation, maintaining cultural continuity, preserving authenticity, and strengthening the local identity of the population. The article contributes to the development of European festology and also to understanding the mechanisms of adaptation of traditional societies to the challenges of globalization, including through the preservation of traditional festive and ritual practices.

Keywords: *Sardinia, Barbagia, feasts, rites of passage, protection of tradition, identity*

Author Info: Zhuravleva, Aleksandra V. — Ph.D. Student of the Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhuravleva.alex@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

For citation: Zhuravleva, A. V. 2026. Central Sardinia Feasts or «Feasts for Ourselves». *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 400–411.

Праздники — «вторая жизнь народа», по словам М. Бахтина (Бахтин 1990: 13), относятся к числу важнейших, хотя и не статичных ценностей каждой общности: даже самые консервативные и архаичные из них склонны в той или иной степени меняться во времени, чутко реагируя на преобразования среды их проведения. Особенно радикально и быстро изменение праздничной культуры происходит сегодня, в условиях стремительного размывания во всем мире того уклада, который культуролог В. Н. Топоров назвал «архаичной мифопоэтической и религиозной традицией» (Топоров 1982: 330), появления в социуме новых приоритетов и невероятного ускорения, которым отмечено преобразование экономико-политических, социокультурных, идеологических и т. д. параметров жизни.

Тем необычней обнаружить праздничные события, обладающие высокой степенью статичности, устойчивости и иммунитета к инновациям. Это объясняет наше обращение к такого рода празднованиям в Барбадже — обширном центральном горном ареале Сардинии, зоне пастушества, территории наибольшей культурной консервативности и архаики этой островной области. В частности, речь идет о выявленных нами в этом регионе торжествах, именуемых местным населением *Festas pro nois etotu* — «праздниками для нас всех» (буквально «праздниками для себя»), а также *Festas po su coro* (сард. *праздниками по сердцу*) или *Festas po sa vida nostra* (сард. *праздниками нашей жизни*). На первый взгляд разнородные (некоторые из них имеют чисто-пастушескую природу, другие же отмечаются и крестьянским населением Барбаджи), эти торжества обнаруживают много общего. Так, все они следуют более или менее древним, преимущественно языческим сценариям, как правило, обходят церковную традицию, претерпели незначительные изменения во времени, но главное — отмечаются исключительно силами «своих», т. е. в кругу каждого отдельно взятого деревенского коллектива, отторгающего инновации и поддерживающего камерный и «закрытый»

(без присутствия чужих) масштаб целебации¹. Еще несколько десятилетий назад, по утверждению респондентов, таких праздников было больше, сегодня эта категория размывается, но тем больше она ценится населением (ПМА).

Удивительным образом эти торжества никогда не осмысливались как феномен, не упоминались в научном дискурсе и не выступали объектом анализа. В силу этого в ходе нашего исследования мы опираемся преимущественно на результаты собственных полевых изысканий: опросов и включенного наблюдения в Барбадже, и в качестве основного критерия отнесения праздничного события к категории «праздника для себя» руководствуемся его видением таковым респондентами.

Цель нашего исследования — не только этнографическая фиксация и описание этой категории праздников. Также мы хотим воспроизвести ее эмическое видение населением, очертить круг стоящих за этими праздниками взглядов и сопряженных с ними стратегий поведения. В частности, речь идет об осознанном на коллективном уровне и активном желании оградить «свои» праздничные события от каких-либо культурных влияний и от присутствия чужих, а также сохранить локальную культурную традицию. Такой алгоритм мыслей и действий, как показывает наша исследовательская практика, радикально отличается от подходов и тактик населения в отношении «новых» широко рекламируемых и содержащих коммерческую составляющую празднеств (например, сагр) в той же Барбадже, а также от моделей поведения в крестьянской среде равнинных районов, где целебация фестивальных событий значительно раньше, чем в горах, начала носить предельно «открытый» характер и предполагать максимально широкое привлечение туристов.

Актуальность работы предопределена тем, что она позволяет внести вклад в развитие европейской фестологии и расширяет границы антропологической италянистики, поскольку исследуемые праздничные явления отражают происходящие и наметившиеся не только в сардинском, но и во многих современных социума процессы, в частности, противостояние населения глобализации и детрадиционализации локальной культуры. Новизна же исследования обусловлена тем, что в нем впервые в отечественном² и зарубежном научном дискурсе, тем более на «живом» материале автора, пристально рассматривается эмпирика «праздников для себя» как особой категории сардинских праздничных событий.

* * *

Сардиния, беднейший сельский неурбанизированный агро-пасторальный регион Италии, с древности подразделяющийся на «два отличающихся, противоборствующих ... мира: мир крестьянства и пастушества, мир равнин и гор» (Contu 2014: 41), относится, по определению историка Л. Февра, к числу обрекающих и обреченных на состояние физической и психологической изоляции «островов-тюрем» (фр. *îles conservatoire-prison*). Под ними понимаются регионы замедленного развития, где суровые условия жизни диктуют человеку образ жизни, лимитируя его контакты с окружающей (природной и социальной) средой, что обуславливает высокий уровень инерционности существования и сохранения неизменности культуры (Febvre 1970:

¹ Большой удачей для автора в процессе исследования был его допуск на празднование таких событий.

² В отечественной науке праздники Сардинии затрагивались в исследованиях Н. А. Красновской (см., напр, Красновская 1978) и О. Д. Фаис-Леутской (Фаис 2019; Фаис 2021).

222). Изоляция и статичность Сардинии, ее «пребывание в прошлом» достигают своего апогея в горах, где сельская среда, как и раньше, представляет собой совокупность изолированных, слабо общающихся между собой деревень и где сегодняшние способы хозяйствования, уклад, принципы самоуправления, жесткий внутридеревенский контроль, модели социальных взаимоотношений, этические нормы и т. д. во многом остались прежними; неслучайно Барбаджа удостоена эпитета «территории замершего времени» (Musio 1969: 107). Подобная социокультурная иммобильность этих районов на протяжении «времени большой длительности» (если прибегать к терминологии Ф. Броделя) была обусловлена не только самой природой пастушеской культуры, обнаруживающей, особенно в сравнении с культурой крестьянской, повышенную устойчивость, консервативность и тягу к традиционализму (Ortu 2011: 98), и не только гео-историческими факторами: суровой природой гор, отсутствием дорог, ограничившими контакты жителей с окружающим миром, в том числе и с завоевателями острова. Изолированность и ригидность Барбаджи цементировал и сильнейший имманентный «солитаризм» (ит. *solitarismo*) (мироощущение одиночества, интровертности, отгороженности от остального мира), исторически присущий сардинцам в целом и достигающий максимального выражения в горах (Scanu 2008), и сохранение до наших дней витальности многих языческих верований, а также тот дух независимости, который археолог Дж. Лиллиу назвал «сардинской сопротивленческой константой» (Lilliu 2002: 451) и который исторически предопределил характер взаимоотношений населения с внешним миром, а также негативное отношение к инокультурным влияниям и их ассимиляции.

Во многом замкнутость и изолированность Барбаджи сохранились и сегодня, хотя условия существования этого ареала изменились. Его коснулись модернизационные веяния, очевидны влияния глобализации, размывается традиционность, усиливает свою экспансию туризм, с которым и власти, и населения Сардинии, после неудачных попыток индустриализации острова, связывали большие ожидания в деле развития местной экономики (Mongili 2015: 121). Туризм же, не вполне оправдав себя экономически, тем не менее запустил механизм серьезных трансформаций культуры: в угоду этой «последней надежде на получение дохода», в попытке выставить на продажу то, что может привлечь гостей, руками властей, краеведческих организаций *Pro Loco*, а порой и самого населения в условиях жесткой конкуренции деревень в их «борьбе за туристов» часто приносится в жертву «аутентичность культурных артефактов и явлений, заменяемых эффектными придуманными эрзацами и откровенными фейками» (Mongili 2015: 230). Ситуацию осложняет, с одной стороны, и ностальгия по уходящей и идеализируемой традиционной культуре, с другой — непростые поиски сардинцами, в том числе и в Барбадже, своей идентичности: сопряженные с мифотворчеством, гипертрофизацией своей значимости как народа в истории, утверждением своих уникальности и этноэксклюзивности, пересмотром, а порой и перекраиванием многих культурных приоритетов и ценностей (Caltagirone 2007: 30). Таким образом, на сегодняшний день жители не только равнин, но и Барбаджи оказываются «между Сциллой и Харибдой, между двумя опасными искушениями: коммерциализацией и гипотетической продажей своей культуры, — и ее трансформациями, обусловленными идентитарными чаяниями», что нередко приводит население «к единому негативному и разрушительному для традиционной культуры результату» (Cherchi 2013: 142).

* * *

Возвращаясь к «праздникам для себя», остановимся на примере *Su Tusorgiu (Sa Tunnimenta)*, наиболее полно иллюстрирующего характер этих событий. Приходящийся на май-июнь, этот праздник стрижки овец (упомянутый в Библии, он отмечается во многих культурах мира) входит в число некогда многочисленных праздников овцеводческой Барбаджи, посвященных и окоту овец, и их отгону, и изготовлению первого в году сыра, и прочим хозяйственным вехам. По традиции, в празднике, включающем проводимую с утра «по-старому» (т. е. вручную и ножницами) стрижку овец (в ходе ее овчары в присутствии зрителей состязаются на скорость и объем состриженной шерсти), а затем коллективную трапезу, принимают участие взрослые и дети старше 10 лет, но, как подчеркивают респонденты, не допускаются ни клир¹, ни незнакомцы, ни представители *Pro Loco*, ни тем менее туристы (ПМА).

По обычаю, сообщество пастухов деревни решает, кто «спонсирует» пир — один либо несколько овчаров, предоставляющих деньги или «сырье» (туши овец, сыр и т. д.); это зависит от того, какая форма «управления» стадами исторически принята в деревне: в одних пастухи, владельцы небольших стад, объединяются для совместного их «контроля», в других деревнях главенствует владелец наибольшей отары, берущий под свое крыло «коллег» с меньшим поголовьем. Вне зависимости от числа спонсоров, застолье готовят все пастухи деревни, призывая на помощь друзей и родственников.

Число приглашенных, обилие блюд и напитков зависят от благосостояния овчара (овчаров), от его (их) социального статуса, численности семьи, общественных связей, числа друзей и знакомых, но в любом случае обед должен быть впечатляющим, особенно в том, что касается числа блюд, традиция предписывает, чтобы щедрость граничила с расточительством. От щедрости устроителей зависит их статус в деревенском социуме (ПМА): невзирая на порой непомерные расходы, во избежание общественного осуждения от организации трапезы никто не отказывается. Богатство стола имеет и сакральное значение: по поверьям, оно приносит деревне благополучие, обильный приплод стад и урожай; с этой целью кусочки праздничной пищи и сегодня раскладывают в окрестностях деревни, на «священных» камнях, у источников и под «священными» деревьями, чтобы «накормить предков» и «задобрить духов» (ПМА).

На праздник и к трапезе пастухи зовут остальных односельчан, крайне редко (и по согласованию с прочими овчарами) — друзей и родню из других деревень. Получить приглашение лестно и почетно: эпитет *leau a tunnere* (сард. *связанный со стрижкой*) — высшая аттестация человека, знак уважения к нему. Приглашение, обращенное к жителю «недружественной» деревни, оптимизирует отношения с ней и замиряет конфликтующих, а отказ от него и сегодня интерпретируется как оскорбление устроителю и «его» деревне, что еще недавно провоцировало кровную месть.

Трапезу готовят заранее силами всей деревни: женщины пекут хлеб и сласти, мужчины обеспечивают вино, дрова для огня, занимаются стряпней. Готовятся только допущенные традицией блюда: *sa enter 'e samene* — отварной желудок овцы (начиненный ее кровью, свежим сыром, шкварками, хлебом); *erveche a buddidu* (сард. *овца в пальто*) — отварную баранину с томатами и луком; барана на вертеле; кровяную колбасу *sambeneddu*; жаркое; равиоли *is culgiones* с картофелем и сыром, мо-

¹ Сардиния, а Барбаджа особенно, относятся к числу формально-католических регионов, где фактически с древности и до наших дней сохраняют сильнейшие позиции древние языческие верования и магические практики.

лодой овечий сыр. На празднике пьют вино (недавнее появление безалкогольных напитков — одна из немногих инноваций в сценарии праздника): традиция требует его обильного потребления всеми сотрапезниками, включая подростков и женщин, которым вне праздничного контекста табуируется потребление алкоголя.

Пир устраивают под открытым небом, под дубами или каштанами (священными деревьями в Сардинии), где вкруговую (солярный символ) располагаются гости и подается угощение. Отсутствуют столы и стулья: сотрапезники сидят на корточках или располагаются полулежа прямо на земле, посуда и приборы: пищу подают на листьях и берут руками. Хотя хозяину (хозяевам) застолья оказываются почести, на пиру отменяются социальные дистанции, устанавливается режим согласия и равноправия, появляется чувство сопричастности чему-то «общему». Согласно архаичным обычаям, лица гостей из других деревень и допущенных до праздника местных подростков мажут овечьей кровью (сажей), тем самым причисляя их к локальному коллективу, включая в число «своих» (ПМА).

Большинство наших респондентов (и что особенно ценно — пожилые опрошенные), оценивая нынешнее состояние праздника, отмечает, что он не утратил аутентичность сценария и не «испорчен» инновациями. И хотя кто-то (в основном молодежь) полагает, что он лишился былого сакрального духа и служит скорее делу консолидации жителей Барбаджи и фактором укрепления их идентичности, люди среднего и старшего возраста, не отрицая последнего, настаивают на том, что праздник с его трапезой и кормлением предков по-прежнему значим и обеспечивает в социальном и в ритуальном отношении благополучие деревни (ПМА).

Показателен тот факт, что жители Барбаджи не относят к числу «праздников для себя» такие старинные и вполне пышно отмечаемые в горных деревнях события, как, например, праздники в честь покровителей пастушества — святых Деметрия (26 октября), Николая (6 декабря) и Василия (1 мая), на том основании, что речь идет о веках церковного календаря, чествования которых предполагает участие клира, а в последние годы — и туристов, что, по мнению респондентов, придает торжествам нежелательную публичность, лишает их камерности масштаба, сокровенности, делает не вполне «своими» (ПМА). По той же причине во многих горных деревнях в последние годы из списка «праздников для себя» выпал и *Carresebare*, так называемый Карнавал Барбаджи, изначально представлявший собой древнее поклонение демонам, магические обряды плодородия, шествия ряженных в характерных масках и костюмах, еще недавно сохранявшие сакральную актуальность для всего населения горной области. Там, где эти действия усилиями *Pro Loco* были превращены в фольклорное зрелище и, по мнению населения, подвергнуты насильственной и кощунственной десакрализации вследствие переинициализации сценариев проведения мистерий и допуска к ним туристов, *Carresebare* в глазах жителей Барбаджи перестал быть *Festas pro nois etotu* (Фаус 2021).

К числу «праздников для себя» почти все респонденты относят также чествования различных обрядов перехода, переводящих юношей в категорию мужчин. Так, например, до сих пор в пастушеском кругу большинства деревень Барбаджи проводится (и пышно отмечается) инициация молодых, связанная с их переходом из подпасков в пастухи и с «экзаменами» на профессиональную зрелость, в ходе которых юноши должны обнаружить хватку, смекалку, выносливость, знание природы и животных, быстроту реакции, готовность противостоять хищникам и скотокрадам, умение спасти стадо в непогоду, навыки переработки продуктов животноводства и прочие компетенции (ПМА).

В наши дни во многих деревнях сохраняется целеракция и иного обряда перехода (единственного, отмеченного в научных работах) (Pepe 2018: 24). Известный под названием *sa prima imbriaghera* (сард. *первое опьянение*), он, по свидетельству респондентов¹, уходит корнями в достаточно отдаленные эпохи. Обряд символически санкционирует первое публичное допущение подростков к потреблению вина: достигшие шестнадцатилетнего возраста юноши проходят так называемое «алкогольное посвящение», обретая статус (взрослых) мужчин. Примечательно при этом, что ни Сардиния в целом, ни Барбаджа в частности, не относятся к числу «пьющих» регионов: хотя вино с древности играет важнейшую в сакральном и социальном плане роль в локальном обществе, речь идет об областях Италии с наиболее слабыми традициями виноделия (Lepori 2003: 11) и самыми низкими показателями потребления алкоголя в целом (Cipolla 2024).

Не предусматривающее участия чужих (даже священник и клир, если и допускаются на праздник, то лишь как частные лица), это празднество, как правило, приурочено ко дню святого патрона деревни.

По этому случаю под открытым небом наскоро из древесных стволов возводят *paradas* — своего рода «мужские питейные клубы», где юноши в присутствии взрослых мужчин-«арбитров» пьют вино (предыдущий опыт потребления пива не засчитывается, а первая проба самогона происходит отдельно и позже), демонстрируя умение пить (в том числе и пить много) и «не терять лицо» в состоянии опьянения, тем самым доказывая свою *balentia* (сард. *доблесть*) — те качества, которыми в глазах и сегодняшнего сардинца, и тем более жителя Барбаджи, должен быть наделен настоящий мужчина. Показательно, что ранее в тот же день подростки, с разрешения *is mannos* — стариков деревни, собравшись на деревенской площади, стреляют в воздух, а затем участвуют и в *s'istrumpa* (от сард. *istrumpare* — подчинять) — состязаниях на физическую мощь, своего рода соревнованиях по вольной борьбе; оба мероприятия призваны подтвердить их мужественность.

Вплоть до конца XX в. в Барбадже — и сегодня регионе аскезы, сдержанности в отношениях между полами, отсутствия сексуальной свободы и традиций позднего, даже у мужчин, начала интимной жизни — только после этого комплексного испытания деревенские юноши получали негласное право приобщаться к плотским радостям (до запоздалого прихода в горы отголосков сексуальной революции — преимущественно с проститутками) (Majzia 2023: 94). Но в первую очередь обряд знаменует признание социо-экономической самостоятельности юношей: с этого момента отцы-пастухи наделяют их частью стада, а крестьяне — участком земли для хозяйствования; неслучайно ритуал разрешает парням официально обручаться (ПМА). Даже сегодня, в изменившихся условиях жизни, обряд не стал формальной данью традиции и не утратил своей значимости как акта признания в глазах сообщества зрелости молодых, что и подтверждается общедеревенским характером празднования этого события.

В ряде горных деревень достаточно недавно фигурировал еще один обряд перехода. Связанный с «уходом в солдаты», значительно более молодой по сравнению

¹ Как неоднократно отмечали ранее исследователи (Pira 1968: 123; Pira 1978: 420; Satta 2006: 22) и как применительно к сегодняшнему дню это подтверждает наш опыт включенного наблюдения в регионе, мнение респондентов в деревнях Сардинии, а особенно Барбаджи, до сих пор является вполне надежным источником информации о прошлом благодаря высокой степени консервации коллективной исторической и культурной памяти и активности механизма традиционной межпоколенной устной передачи информации, в силу чего легко реконструируется былое, отстоящее «на расстоянии» шести, а порой и более поколений предков.

с предыдущим обрядом (до 1861 г. сардинцы не были знакомы с рекрутским набором), именуемый *buffada manna* (сард. *большое питье*), он существовал до 2005 г. (даты отмены в Италии призыва в армию) и также сопровождался возлияниями юношей-призывников и коллективной целебацией их взрослости (ПМА), возможно, представляя собой модификацию обряда *sa prima imbriaghera*.

Согласно мнению респондентов, празднование обрядов перехода не утратило актуальности, поскольку они не только стимулируют у молодежи чувство взрослости и ответственности, но также способствуют оптимизации взаимоотношений между различными поколениями жителей деревни, сплочению ее населения, катализации ощущения принадлежности к единой общности, сглаживанию внутريدеревенских конфликтов и социальных шероховатостей, защите традиций и культуры, и, в конечном итоге, утверждению чувства локальной идентичности (ПМА).

К числу «праздников для себя» большинство наших респондентов причисляет также *Cabudanni*, встречу Нового года (ПМА), который, согласно локальной традиции, начинается 1 сентября. Данный обычай уходит корнями в византийскую эпоху (Византия установила контроль над Сардинией в VI в.). При этом привязка начала нового года к сентябрю обретает особое значение и в локальном контексте: этот месяц, связанный со сбором урожая и перегоном скота на зимние пастбища, выполняет функцию символического рубежа между двумя сезонными хозяйственными циклами.

Праздник *Cabudanni* (ит. *Capodanno sardo*) отмечается на Сардинии повсеместно, однако его празднование в Барбадже отличается большей репрезентативностью, ритуальной сложностью и архаичностью. К числу сохраняющихся в этой зоне топосов относится, например, многочасовое исполнение мужским населением вечером 31 августа на деревенских площадях древнего кругового танца *ballu tundu*. Действо совершается вокруг гигантских костров и, по аналогии с чеченским или ингушским зикром, способно погружать участников в трансное состояние (Фаус 2019: 35–38). До сих пор живы обходные обряды: в канун *Cabudanni* мальчики 12 лет обходят дома с ритуальными песнопениями, получая в ответ традиционные сласти, сухофрукты, круглый хлеб *sa tundina* (дань современности — леденцы, шоколадки и т. д.). Сохранены и ритуалы умиловительных жертвоприношений локальному пантеону божеств, что нацелено на обеспечение плодородия в грядущем году. Параллельно с этим на рассвете первого сентября пастухи после дойки овец и коз совершают символическое окропление молоком улиц, жилых построек, членов своих семей и других жителей селения. Женщины же, сходяв по воду к ближайшему источнику, по возвращении домой «освящают» ею людей, домашний скот и сельскохозяйственные посадки (ПМА).

Вечером первого сентября всем деревенским коллективом проводятся масштабные трапезы на открытом воздухе. Их проведение носит строго ограниченный, интрупповой характер («только своим кругом»); представители местных туристических ассоциаций (Pro Loco) могут быть допущены исключительно в качестве частных лиц. Накануне праздника общими усилиями готовится комплекс традиционных блюд, таких как *coccoi cun gerda* (пирожки со шкварками), *cixirau* («пудинг» на основе отварного нута, меда, дробленого миндаля и манной крупы), *su trigu cottu* (аналог кутьи, еще один реликт византийской культурной традиции), а также разнообразные сласти и хлебобулочные изделия, среди которых выделяется *su cabude* (что с сардинского переводится и как «канун» (праздника), так и как «голова»).

Данный сдобный хлеб, имеющий крестообразную форму, освящается в церкви, затем, в новогоднюю ночь, разламывается головой семьи над головой первенца, а затем

над головами домашнего скота. Этот ритуал имеет целью обеспечение материального достатка семье и плодovitости животным. Согласно поверью, обилие крошек, образующихся при разделении хлеба, предвещает благополучный год (ПМА). Полученные фрагменты хлеба распределяются между членами семьи и скотом, а также сохраняются в качестве апотропейного оберега; еще недавно их также раздавали детям и нищим, в деревенском мировидении воплощению предков, которых следует задобрить — «живые нуждаются в мертвых, чтобы защищать посевы и сохранить урожай» (Eliade 1986: 365).

В последние десятилетия на Сардинии наблюдается тенденция трансформации канонов новогоднегo празднования. В целом по региону праздник детрадиционализируется, его церебрация приобретает все более публичный характер, адаптируясь к современным условиям за счет включения в программу фольклорных представлений и сагр (торгово-праздничных фестивалей), ориентированных на привлечение туристического потока.

Однако в горных районах, несмотря на частичную утрату отдельных элементов, данное празднество сохраняет статус значимого социокультурного события. Оно продолжает выполнять важную интегративную функцию, позволяя локальным сельским коллективам актуализировать и переживать чувство коллективной общности.

* * *

Список «праздников для себя» не ограничен приведенными выше примерами, однако рамки журнальной публикации не позволяют продолжить обзор этих событий. В заключение подведем итоги. В ходе полевых работ в деревнях Барбаджи — в отличие от районов остальной Сардинии, что показало параллельное их обследование — были обнаружены праздники, достаточно архаичные и мало изменившиеся во времени, даже номинация которых (в первую очередь фестоним «праздники для себя») указывают не только на их значимость для населения, но и на специфику: они отмечаются в парадигме дихотомии «свой-чужой», крайне камерно, и не предполагают присутствия и участия тех, кого коллективное мнение считает «инородными», «пришлыми», «другими» (от «присланных» в деревню клира и представителей правоохранительных органов до жителей соседних деревень, туристов и даже деятелей *Pro Loco* — местных уроженцев, формально «своих», но при этом часто, под предлогом улучшения материального состояния родной деревни, посягающих на локальную культурную традицию и вносящих «чужие» культурные новшества) — т. е. тех, кто может покуситься на сохранение культурных канонov и внести разрушающие существующий порядок вещей инновации.

Факт существования, консервации и высокой, как показали опросы, популярности этих праздников в Барбадже заставляет задаться вопросом о причинах их как устойчивости, так и признанности и востребованности в локальном социуме, а также о видении и интерпретации этих причин респондентами.

На наш взгляд, совпадающий с точкой зрения опрошенных¹, предпосылки иммутабельности, или, по крайней мере слабой, по сравнению с другими праздниками Сардинии и Барбаджи, изменчивости этих фестивальных событий имеют и «природный», и антропогенный характер (ПМА). Под первыми подразумеваются перечисленные нами выше географические, исторические, социальные факторы обособленности и консервативности Барбаджи и, в частности, пастушеской среды, в свою очередь обусловившие стабильность и статичность «праздников для себя», которые, как пока-

¹ Показательно, что ответы респондентов, вне зависимости от их, пола возраста и социальной принадлежности, отличались удивительным единодушием.

зывают опросы наиболее пожилых респондентов и их апелляция к воспоминаниям предков, и ранее, причем в достаточно удаленные времена, были актами коллективной интроверсии и отгороженности от чужих (ПМА). Особо в ходе опросов респондентами отмечались «инерционность развития» горных районов, а также способствующая сохранению статики присущая региону сильнейшая культурная преемственность.

К числу «органичных данностей» респонденты относят не только труднодоступность горных районов, их историческую изолированность и природную инсультность, низкую плотность населения, а также замкнутость и интровертность пастушеской культуры и т. д., но и отточенный временем локальный «национальный характер», в том числе такие его черты, как упомянутый нами солитаризм, интровертность, дух ригидности, тяготение к статичности, скептическое и даже негативное отношение к любого рода культурным инновациям (ПМА). Говоря же о «человеческих», сознательных и «интуитивных» (бессознательных), стимулах сохранения неизменности «праздников для себя», опрошенные, анализируя черты «собственного» мировидения, называют в их числе как «инстинктивное» неприятие и отсечение инноваций, так и активное осмысленное отслеживание соответствия celebrations праздников традиционным сценариям, осознанную их фильтрацию во имя поддержания режима культурного *status quo* и скрупулезный мониторинг участников празднования с целью допуска только тех, кто «по крови и по духу разделяет ценности большинства (имеются в виду жители одной деревни — А. Ж.) и не посягает на них» (ПМА1); смысл этих действий — поддержание не только аутентичности и жизнеспособности традиций, но и витальности Барбаджи как культурного микромира (ПМА).

Интересны и объяснения респондентами причин популярности «праздников для себя». В первую очередь, по мнению всех опрошенных, такие события привлекательны тем, что способствуют выживанию деревень, сохранению и консолидации их населения, сглаживанию неизбежных повседневных конфликтов и противоречий, обеспечению духа равенства и общности (ПМА) — т. е. того, что В. Тернер называл *коммуниас* (Тэрнер 1983: 171). В видении большинства они остаются проверенными временем каналами «сброса напряжения», дедраматизации деревенской обстановки. Особо респонденты отмечали роль не утративших актуальности обрядов перехода, которые, по их словам, способствуют своевременной зрелости молодых, мобилизуют их, пробуждая в них мужественность, чувство ответственности, готовности трудиться и одновременно — ощущение сопричастности родному коллективу (ПМА). Хотя в ходе опросов мы не касались проблемы соотнесения «праздников для себя» с самосознанием населения, многие, преимущественно молодые респонденты подчеркивали ярко выраженную массовую их коннотацию с чувством парохияльной идентичности и принадлежности к родной деревне — базовым и самым значимым для сардинцев показателем в системе их самоидентификации (Caltagirone 2007: 31; Cherchi 2013: 149); лишь *Cabudanni*, по мнению респондентов, отчасти апеллирует к чувству пансардинской общности (ПМА).

В свете разговора о популярности праздников респонденты говорили о них как об очагах поддержания витальности культурных канонов и о важности их сохранения, особенно сегодня, прежде всего для подрастающего поколения, в условиях туристического покорения Барбаджи, детрадиционализации региона и значительно большей «втянутости в жизнь окружающего мира»; также отмечалось, что именно за счет ревностного поддержания традиции «праздники для себя» позволяют «сохраняться» и «уберечь драгоценную память о прошлом», что способствует усилению иммунитета к инновациям и облегчает противостояние обновлению всей жизни (ПМА). Таким образом, завершая исследование, отметим, что очерченное нами в контексте Барбаджи

явление крайне многопланово: оно не только является любопытным этнографическим феноменом и примером витальной и устойчивой древней фестивальной эмпирики, но и отражает процессы и тенденции в обществе, в частности, осознанное активное противодействие населения процессам размыwania и модернизации локальной культуры.

Источники и материалы

- ПМА — Полевые материалы автора. Сардиния, Барбаджа (2019, 2021–2025). Опросная группа — 589 человек.
- ПМА1 — Полевые материалы автора. Сардиния, Барбаджа, Дезуло. 2024. Информант Анна Фрау (Anna Frau). 1953 г. р.
- Cipolla 2024 — Cipolla A. In quale Regione italiana si beve più alcol? // Money: [электронный ресурс]. <https://www.money.it/in-quale-regione-italiana-si-beve-piu-alcol-classifica> (дата обращения: 21.09.2024.).
- Scanu 2008 — Scanu V. Le virtù dei sardi // TottusInPari: [электронный ресурс] https://www.tottusinpari.it/2008/07/17/le_virt_dei_sardi_1913530-shtml/ (дата обращения: 27.09.2024.).

Научная литература

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 545 с.
- Красновская Н. А. Итальянцы // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники / под ред. С. А. Токарева. М.: Наука, 1978. С. 8–19.
- Мажиа А. «Любовь за деньги» в Сардинии: к вопросу об этноантропологическом исследовании феномена проституции в традиционном обществе // Этнографическое обозрение. № 3. 2023. С. 85–103.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
- Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира / отв. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 329–331.
- Фаус О. Д. Одержимость и транс в традиционной культуре Сардинии в прошлом и настоящем (на примере области Барбаджа) // Studia Religiosa Rossica. № 3. 2019. С. 29–49.
- Фаус О. Д. «Карнавал» в Сардинии в контексте современности // Традиционная культура. № 3 (22). 2021. С. 110–122.
- Caltagirone B. Note preliminari a un rilevamento dell'identità in Sardegna // Angioni G. (a cura di). Sardegna: seminario sull'identità. Cagliari: CUEC, 2007. P. 29–35.
- Cherchi P. Per un'identità critica. Alcune incursioni autoanalitiche nel mondo identitario dei sardi. Cagliari: Arkadia, 2013. 190 p.
- Contu E. I sardi sono diversi. Sassari: Delfino, 2014. 48 p.
- Eliade M. Trattato della storia delle religioni. Torino: Boringhieri, 1986. 307 p.
- Febvre L. La terre et l'évolution humaine introduction géographique à l'histoire. Paris: A. Michel, 1970. 475 p.
- Lepori A. La Sardegna e il vino. Modica: Artigianarte, 2003. 144 p.
- Lilliu G. La costante resistenziale sarda. Nuoro: Illiso, 2002. 451 p.
- Musio G. La cultura solitaria. Tradizione e acculturazione nella Sardegna arcaica. Bologna: Il Mulino, 1969. 343 p.
- Ortu G. G. Costruzioni del paesaggio pastorale della Sardegna medievale e moderna // La pastorizia Mediterranea. Storia e diritto (secoli XI–XX) / a cura di Mattone A., Simbula P. F. Roma: Carrocci, 2011. P. 94–110.
- Pepe P. Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere. Rome-Bari: Laterza, 2018. 256 p.
- Pira M. Sardegna tra due lingue. Cagliari: La Zattera, 1968. 141 p.
- Pira M. La rivolta dell'oggetto: antropologia della Sardegna. Milano: Giuffrè, 1978. 520 p.
- Satta M. Toponomastica, Identità e Memoria // Atlante Toponomastico Sardo. Saggio metodologico. Cagliari: Regione Autonoma della Sardegna, 2006. P. 21–22.

References

- Bakhtin, M. M. 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renessansa* [The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 545 p.
- Caltagirone, B. 2007. Note preliminari a un rilevamento dell'identità in Sardegna [Preliminary Notes on a Survey of Identity in Sardinia]. In *Sardegna: seminario sull'identità* [Sardinia: Seminar on Identity], ed. by G. Angioni. Cagliari: CUEC. 29–35.
- Cherchi, P. 2013. *Per un'identità critica. Alcune incursioni autoanalitiche nel mondo identitario dei sardi* [Towards a Critical Identity. Some Self-Analytical Incursions into the Identity World of the Sardinians]. Cagliari: Arkadia. 190 p.
- Contu, E. 2014. *I sardi sono diversi* [Sardinians Are Different]. Sassari: Delfino. 48 p.
- Eliade, M. 1986. *Trattato della storia delle religioni* [Treatise on the History of Religions]. Torino: Boringhieri. 307 p.
- Fais, O. D. 2019. Odershymost' i trans v traditsionnoi kul'ture Sardinii v proshlom i nastoiashchem (na primere oblasti Barbadzha) [Possession and Trance in the Traditional Culture of Sardinia in the Past and Present (on the Example of the Barbagia Region)]. *Studia Religiosa Rossica* 3: 29–49.
- Fais, O. D. 2021. «Karneval» v Sardinii v kontekste sovremennosti [“Carnival” in Sardinia in the Context of Modernity]. *Traditsionnaia kul'tura* 3(22): 110–122. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.009>
- Febvre, L. 1970. *La terre et l'évolution humaine: introduction géographique à l'histoire* [The Earth and Human Evolution: A Geographical Introduction to History]. Paris: A. Michel. 475 p.
- Krasnovskaia, N. A. 1978. Ital'iantcy [The Italians]. In *Kalendarnye obriady i obychai v stranakh zarubezhnoi Evropy. XIX — nachalo XX v. Letne-osennee prazdniki* [Calendar Rites and Customs in the Countries of Foreign Europe. 19th — Early 20th Century. Summer-Autumn Holidays], ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Nauka. 8–19.
- Lepori, A. 2003. *La Sardegna e il vino* [Sardinia and Wine]. Modica: Artigianarte. 144 p.
- Lilliu, G. 2002. *La costante resistenziale sarda* [The Sardinian Resistance Constant]. Nuoro: Illiso. 451 p.
- Maxia, A. 2023. «Liubov' za den'gi» v Sardinii: k voprosu ob etnoantropologicheskom issledovanii fenomena prostitutsii v traditsionnom obshchestve [The “Love for Money” in Sardinia: On the Question of an Ethnoanthropological Study of the Phenomenon of Prostitution in Traditional Society]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 85–103. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030053>
- Musio, G. 1969. *La cultura solitaria. Tradizione e acculturazione nella Sardegna arcaica* [The Solitary Culture. Tradition and Acculturation in Archaic Sardinia]. Bologna: Il Mulino. 343 p.
- Ortu, G. G. 2011. Costruzioni del paesaggio pastorale della Sardegna medievale e moderna [Buildings of the Pastoral Landscape of Medieval and Modern Sardinia]. In *La pastorizia Mediterranea. Storia e diritto (secoli XI–XX)* [Mediterranean Pastoralism. History and Law (11th–20th Centuries)], ed. by A. Mattone and P. F. Simbula. Roma: Carocci. 94–110.
- Pepe, P. 2018. *Gli eroi bevono vino. Il mondo antico in un bicchiere* [Heroes Drink Wine. The Ancient World in a Glass]. Rome-Bari: Laterza. 256 p.
- Pira, M. 1968. *Sardegna tra due lingue* [Sardinia between Two Languages]. Cagliari: La Zattera. 141 p.
- Pira, M. 1978. *La rivolta dell'oggetto: antropologia della Sardegna* [The Revolt of the Object: Anthropology of Sardinia]. Milano: Giuffrè. 520 p.
- Satta, M. 2006. Toponomastica, Identità e Memoria [Toponymy, Identity and Memory]. In *Atlante Toponomastico Sardo. Saggio metodologico* [Sardinian Toponymic Atlas. Methodological Essay]. Cagliari: Regione Autonoma della Sardegna. 21–22.
- Toporov, V. N. 1982. Prazdnik [Festival]. In *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World], ed. by S. A. Tokarev. Vol. 2. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. 329–331.
- Turner, V. 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka. 277 p.